

УДК 1: 321.01: 316. 42

СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ РАКУРС ПОНИМАНИЯ ВЛАСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ АНАЛИЗА

С.В. Козлов

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет, г. Тверь»

В постклассическом кратологическом дискурсе распространение получает трактовка власти как анонимной, безличной сети отношений, пронизывающих социально-коммуникативное пространство. В этом контексте принципиально важным представляется выявление таких механизмов функционирования современной социальности и власти, которые соотносены с конституированием консенсуса в социуме.

Ключевые слова: *кратологический дискурс, власть, социальная коммуникация, консенсус.*

Одним из важных элементов классической социально-философской и политической рациональности явилась субстанциалистская трактовка власти, в рамках которой власть репрезентируется в качестве особой сущности, «вещи», выступающей объектом обладания, отчуждения, присвоения. Переход к постклассической рациональности в сфере кратологического дискурса обычно оказывается сопряженным с переходом от трансцендентного (постулирование внеположенной по отношению к власти точки наблюдения, сама власть предстает как нечто явленное «извне») к имманентному способу описания власти (вездесущность и продуктивность власти), а также с акцентированием ее символических и коммуникативных аспектов. Такая теоретическая перспектива, конечно, не элиминирует тему репрессивности власти, но помещает ее в новый контекст.

Так, под влиянием постмодернистских теоретиков М. Фуко, Ж. Делеза, Ж. Бодрийера рассмотрение власти может перемещаться на микроуровень, на уровень повседневности и сопрягаться с осмыслением средств и способов нормирования, «нормализации» человеческой активности в контексте социальности. Анализ в таком случае не сосредоточивается на социально-политических институтах, государстве, персонифицированном авторитете: в центре внимания оказываются прежде всего как формы и методы регламентации, осуществляемые на уровне сознания, так и вне его механизмы взаимосвязи властных и дискурсивных практик. В соотнесенности со сформулированными представителями парадигмы «жизненного мира» Э. Гуссерлем, А. Шутцем, Ю. Хабермасом философским осмыслением повседневности такой подход проливает свет на множество латентных процессов самоорганизации общества, а также на зарождение, функционирование и развитие практик власти, формирующих контекст всякого социального действия.

В коммунологическом направлении современного социального теоретизирования распространение получает тезис Н. Лумана о самовоспроизводстве социальных систем через коммуникацию. В рамках данного тезиса, опирающегося на идею сравнимости социальных систем¹, разрабатывается понимание власти как «*символически генерализованного коммуникативного средства*», соотносимого в этой своей функции с другими коммуникативными посредниками (например, деньгами в сфере экономического обмена или истиной в сфере познания) [5, с. 25; 11].

В контексте упомянутых подходов принципиально важным представляется выявление таких аспектов функционирования современной социальности и власти, которые соотнесены с конституированием консенсуса в социуме.

Обычно рассмотрение власти оказывается связанным с акцентированием директивной ее составляющей (власть как господство, обеспечивающее выполнение приказа, директивы). Центрирование на ней удобно для конструирования весьма простых моделей властных отношений. Однако зачастую это выливается не только в простые, но и в явно зауженные трактовки власти, отождествляющие ее преимущественно с распределением ресурсов принуждающего насилия и прав на их использование [4, с. 150, 151].

Безусловно, возможность применения силы, в том числе легитимного задействования принуждающего насилия, составляет важнейший ресурс публичной власти. При этом не менее очевидно и то, что подобная возможность не исчерпывает самой власти, ее существа. Власть, взятая в ее позитивности, предстает как «возможность и способность добиваться результатов»; как таковая она «не является препятствием на пути к свободе и раскрепощению, но есть их условие» [2, с. 355]. Выступая в качестве социального феномена, власть генерируется и воспроизводится тогда, когда люди коммуницируют друг с другом, взаимодействуют в тех или иных совместных делах. Взгляд на социальные реалии через призму коммуникативной установки делает весьма актуальным образ власти как коллективного ресурса, своего рода «циркулирующего», «символического посредника» (Т. Парсонс), обеспечивающего выполнение взаимных обязательств и коллективное целедостижение. Причем такой ее образ особо очевидным становится в ситуациях, когда определенная «группа организуется, заряжается волей и тем самым становится способной добиваться чего-либо для себя. Здесь проявляется не чье-то господство и не приказ, а возможность доселе неор-

¹ Согласно Н. Луману, «ни в коем случае нельзя списывать на случай возможность выявления того, что такие весьма гетерономные функциональные области, как право и наука, экономика и политика, средства массовой информации и интимные отношения, высказывают сравнимые структуры, уже хотя бы потому, что их отдифференциация требует образования систем» [6, с.8].

ганизованной, но сознающей себя группе (или слою) идентифицироваться и решиться действовать открыто ради новоприобретенной цели» (Б. Фей, цит. по: [1, с. 39]).

Бытие власти в качестве такого посредника, который связывает действия и обязательства людей и может представлять в разных видах, придает ресурсам насилия, и признаваемому в данном обществе праву их использования («монополия легитимного физического насилия», по М. Веберу) символический смысл [4, с. 151–152]. Сила и легитимность такой власти определяется тем, что она присутствует в сознании индивидов в виде управляющих ими всеми общих правил. Сам феномен власти подразумевает в таком случае подчинение общему для них всех порядку и фактически отождествляется с ним. При этом сила остается важнейшей «материей» для власти, так что «сама суть любой политической идеи в том и состоит, как должна быть организована сила (и вообще природная власть) в обществе, и сила же служит гарантом поддержания этой организации» [3, с. 53]. Но сама власть, представая в качестве социального, а не природного феномена, перестает быть лишь «отложенным насилием». Более того, постоянная угроза применения насилия, его эскалация, разрушая доверие в социуме, разрушают и саму власть, делая ее нелегитимной в глазах людей. Как утверждал К. Ясперс, «легитимность подобна кудеснику, беспрестанно создающему необходимый порядок с помощью доверия, нелегитимность – это насилие, которое повсеместно порождает насилие, основанное на недоверии и страхе» [11, с. 172].

Следует заметить, что «многоаспектность» власти предстает в «обратной зависимости» между принуждением (в том числе принуждающим насилием) и коммуникативными стратегиями ее функционирования: при доминировании «директивных» форм организации властного пространства, основанных на распределении ресурсов, насильственный аспект может просматриваться довольно отчетливо. При «функциональном» толковании власти (власть как способность и умение практически реализовать функции управления, согласования интересов, коллективного целедостижения) на первый план начинают выступать более гибкие формы принуждения (в частности, правовые). В случае же «коммуникативного» понимания (связанного с тем, что власть, так или иначе реализуется через общение, через определенный язык, понятный участникам властных отношений) власть приобретает характер «культурного» сотрудничества, «доверия», «согласования» [4, с. 153].

В данной связи весьма актуальной представляется позиция известного неомарксистского теоретика либеральной ориентации Ю. Хабермаса. Усматривая в интерактивном процессе (процессе взаимодействия индивидуальных и коллективных субъектов), включающем в себя стратегическое действие и межсубъектную коммуникацию, ключевой ресурс развития современного общества, он отмечает принципиальную важность культивирования механизмов опосредования противоречий, возникающих между

публичной и частной сферами жизни, а также между «общественностью» и государственно-административной властью. Эти механизмы обеспечивают воспроизводство естественных каналов коммуникации и служат обретению общественного согласия. В центре внимания немецкого теоретика при этом оказываются «коммуникативные структуры общественности». В обществах, построенных по демократическому принципу, они «образуют крупноячеистую сеть датчиков, которые реагируют на давление затрагивающих все общество проблемных ситуаций и стимулируют влиятельные мнения», направляя «употребление административной власти в определенные каналы» [8, с. 397–398].

Рассматривая ресурсы, «из которых современные общества утоляют свои потребности в интеграции и распределении», Хабермас отмечает, что в наличных условиях «социально-интегративная власть солидарности» должна получить возможность своего утверждения и развития на фоне «двух других видов власти – денег и администрации» [там же, с. 396]. Административная власть и деньги представляются им в качестве системных посредников, обеспечивающих координацию взаимодействий в социуме в соответствии с принципами целевой, стратегической рациональности, ориентированной на успех и предполагающей рассмотрение социальных взаимодействий с точки зрения эффективности предпринимаемых действий, процессов решения и рационального выбора. В то время как «социально-интегративная власть солидарности» непосредственно соотносится со сферой базовых «жизненно-мировых» феноменов, в основе которых – передаваемые через культуру толкования реальности [12, с. 190]. Функционируя по принципам коммуникативной рациональности, она имплицитно языковое общение и зависит от нахождения консенсуса. При этом философ не имеет в виду устанавливаемый, контролируемый консенсус, являющийся результатом трансформирующего давления системных механизмов (политико-административных и экономических) на структуры общественности и приватной сферы. Подобный контролируемый консенсус соотносим если и не с непосредственным силовым давлением, то с осуществляемыми в контексте внешне коммуникативно ориентированных действий латентно стратегическими практиками, по ходу которых активно могут задействоваться механизмы «символического насилия» (включая целенаправленно реализуемые массивные манипулятивные практики) [см.: 7, с. 92–93].

Развивая идею коммуникативной рациональности, Хабермас исходит из представления о том, что отношения субъектов к реальности всегда опосредованы (и потенциально релятивизированы) возможностями взаимодействий с другими людьми, а также их спорами и способностью прийти к согласию. Основания всякой рациональности предстают в такой перспективе как конституируемые, в конечном итоге, в контексте intersubъективных взаимодействий, диалога. В качестве же своего рода «идеально-типического» случая позитивной общественной

динамики рассматривается такой процесс субъект-субъектных взаимодействий, который, будучи ориентированным в русле рационализации жизненного мира, одновременно оказывается сопряженным с устранением факторов, искажающих коммуникативное пространство.

В аспекте соотношения коммуникативных и стратегических (телеологических) аспектов в подобном интерактивном процессе для Хабермаса определяющим является то, что «акты взаимопонимания, связующие между собой планы действий различных участников и соединяющие целерациональное действие в единую и связную интеракцию, не могут быть, в свою очередь, сведены к телеологическому действию» [10, с. 200]. Соответственно немецкий теоретик фокусируется именно на коммуникативно ориентированном действии, его имманентной логике. Таковая предполагает, что действующие лица преследуют индивидуальные цели при том условии, что они могут согласовать свои планы действия на основе общих определений ситуации. Иначе говоря, «согласование определений ситуации предстает в качестве существенной составной части потребных для осуществления коммуникативного действия интерпретаций» [12, с. 385]).

Двигаясь в данном русле, Хабермас полагает, что субъекты неизбежно оказываются перед необходимостью находить и применять рациональные основания, способные убедить других и склонить их к согласию. В ходе коммуникации индивиды, «общественность» в целом, извлекают и определенное ценностно-нормативное содержание осуществляют аксиологический выбор, что одновременно оказывается необходимым условием, более того, основанием общего пространства социальных взаимодействий. Коммуникативная рациональность и базирующаяся на ней «коммуникативная власть» («власть общественности») предстают при этом в качестве многократно опосредованного механизма общения между людьми, выкристаллизовывающегося в ходе интеракций и одновременно образующего их априорный фундамент. Этот механизм включает в себя в том числе и конституируемую в коммуникативных взаимодействиях нормативную рациональность, подразумевающую рациональное решение практических задач в рамках морали, руководствующейся принципами (см.: [12, с. 450–451; 9, с. 68–73]).

Очевидно, что в этом контексте важное значение приобретает хабермасовское разграничение генерализованных форм коммуникации, конституируемых средствами языка, общения и зависящих от нахождения консенсуса (здесь он говорит в том числе и о феноменах «коммуникативной власти», «власти общественности», «социально-интегральной власти солидарности»), и системно-административной власти, трактуемой в качестве внеязыкового медиума координации действий, предполагающего «интервенцию в ситуацию другого». Исходя из того, что стратегические интеракции инструментализируют межсубъектную коммуникацию, что неминуемо имплицитно подразумевает дополнительные негатив-

ные властные эффекты в социально-коммуникативном пространстве, философ акцентирует важность и необходимость выявления и развития именно коммуникативных аспектов в жизни современного общества и прежде всего механизмов согласия, консенсуса, убеждения, без которых не может быть нормального демократического процесса.

В современных условиях все чаще говорят о «метаморфозах власти», трансформации ее форм. Происходящий в постклассическом социально-философском мышлении отход от определений власти в духе классической «философии субъекта» стимулирует подходы к ее осмыслению в качестве своего рода сети отношений, пронизывающих собой социальное пространство и укорененных в том числе, и в ценностно-нормативном содержании (и механизмах) культуры. Властные феномены представляются в такой перспективе как неразрывно связанные со сложноорганизованными процессами социального конституирования и воспроизводства на различных уровнях социального бытия.

В этой связи важно отметить, что Ю. Хабермас, тяготея в целом к рассмотрению власти в качестве внеязыкового системного посредника в сфере стратегических интеракций и акцентируя различия между ней и генерализованными формами коммуникации, одновременно разрабатывает понятие о «первичной власти общества» как власти, рождающейся в процессе коммуникации (см., напр.: [8, с. 381–401; 9, с. 68–73]). Таким образом трактуемую власть представляют не только политические институты, органы государственного управления или положения законов и подзаконных актов, но и правила, нормы, культурные стереотипы, которые формируют поведенческие стратегии разных социальных групп и без которых эффективное социальное управление невозможно. Импликации этой власти («власти общественности») могут быть прослежены как на онтологическом уровне, в их непосредственных проявлениях, так и на семиотическом уровне – в смыслах и значениях. Она соответственно предстает как непосредственно укорененная в жизненно-мировой сфере, образующей контекст инструментальной деятельности и интерактивного процесса и одновременно выступающей в качестве «резервуара» интерпретаций, пригодных для достижения консенсуса.

Список литературы

1. Болл Т. Власть // Политические исследования. 1993. № 5. С. 36–42.
2. Гидденс Э. Устройство общества: Очерки теории структуриации. М.: Академический проект, 2003. 528 с.
3. Дибиров А.-Н.З., Пронский Л.М. О природе политической власти // Вестн. МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 2002. № 2. С. 48–60.

4. Ильин М. В., Мельвиль А.Ю. Власть // Политические исследования. 1997. № 6. С. 146–163.
5. Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. 256 с.
6. Луман Н. Общество как социальная система. М.: «Логос», 2004. 232 с.
7. Фурс В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Минск: Экономпресс, 2000. 224 с.
8. Хабермас Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. 417 с.
9. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: Academia, 1995. 256 с.
10. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 380 с.
11. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
12. Habermas J. Theorie des Kommunikativen Handelns. Frankfurt a. M.: Suhkamp, 1985. Bd. 1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. 534 s.

SOCIAL-COMMUNICATIVE APPROACH TO THE UNDERSTANDING OF POWER: THEORETICAL ANALYSIS PERSPECTIVES

S.V. Kozlov

Tver State University, Tver

In the post-classical power discourse, the interpretation of this phenomenon as anonymous, non-personal web of relations embracing the entire social communication space gains widespread popularity. In this context, the identification of mechanisms of the contemporary social body and power functioning that are correlated with the institutionalization of consensus in society looks fundamentally important.

Keywords: *power discourse, power, social communication, consensus.*

Об авторе

КОЗЛОВ Сергей Валентинович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: koslovserg@yandex.ru

Author information

KOZLOV Sergey Valentinovich – Ph.D., Assoc. Prof. of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: koslovserg@yandex.ru